

Тема демократии, демократических процессов в России не самая редкая в нашем журнале. На заседании "круглого стола" в РАГСе в мае 2004 г. (2004 г., № 11) достаточно живо обсуждались соответствующие вопросы. Ж.Т. Тощенко и Н.Э. Бойков призвали социологов продолжить дискуссию. В данной рубрике собраны материалы, которые можно считать первым откликом на призыв. Авторы резко проблематизируют идеи демократии, порой утрируя отдельные положения. Вместе с тем представляется, что они отражают специфику политической ситуации в России и мире. Редакция надеется, что публикация побудит вступить в дискуссию более широкий круг исследователей.

© 2005 г.

А.Р. ТУЗИКОВ

ИДЕИ ДЕМОКРАТИИ;
СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

ТУЗИКОВ Андрей Римович - доктор социологических наук, профессор Казанского государственного технологического университета.

В ряде статей журнала за последнее время так или иначе ставились вопросы о демократии [1]. В них обсуждаются различные показатели уровня ее развития, отношения россиян к идее демократии, дилеммы государственного устройства - авторитаризм-демократия, свобода-порядок. Термин "управляемая демократия" после прошедших выборов стал наиболее распространенным и вместе с тем несущим негативный

смысл угрозы сложившимся политико-правовым институтам. Он стал еще более "популярным" в контексте предпринимаемой в настоящее время административной реформы, изменения порядка выборов губернаторов. Но, пожалуй, наибольшая тревога по поводу политических процессов, относящихся к области демократических изменений, прозвучала на "круглом столе" "Партии после выборов" [2]. Наряду с новыми терминами, характеризующими политический режим, - "монархия", "управляемый плюрализм" был затронут вопрос об ответственности власти и политических акторов, вызвавший спор.

Несомненно, современный политический дискурс порождает проблемы интерпретации идей демократии. В политико-административных, общественных и научных

кругах наблюдается активное использование терминов "демократия" и "гражданское общество", которые рассматриваются как основные детали всего механизма социально-экономического развития страны. Эти термины произносятся как заклинания,

они используются в качестве "неопровержимых" аргументов в дебатах. Сегодня мало найдется политиков и общественных деятелей, которые бы строили свои публичные выступления без опоры на лозунги демократии и прав человека.

Однако осмелюсь утверждать, что термины "демократия" и "гражданское общество" не имеют четкого и однозначного понимания. Они выполняют прежде всего

функции идеологической легитимации существующих систем власти, управления, то есть являются идеологемами. Еще больше сомнений возникает у меня, когда я вижу результаты опросов, выясняющих отношение население к идее демократии.

Обычно, когда говорят о главных основаниях демократии, то акцентируют внимание на идеях народного контроля и народного выбора. Народный контроль подразумевает, во-первых, участие "народа" в выработке политических и управленческих решений в обществе, во-вторых, масштабы такого участия, наконец, в-третьих, принцип подчинения воле большинства. Прямое участие народа в процессе выработки и принятия управленческих решений в современных обществах выглядит весьма проблематично, если не утопично. За исключением референдумов, плебисцитов и сходов граждан (да и то с оговорками). Итоги, например, референдумов сегодня во многом программируются технологиями пропаганды и PR. Трудно представить институционализированные и главное эффективные формы прямой демократии, пригодной для решения оперативных задач государственного управления и местного самоуправления. Главный аргумент здесь - недостаток информированности и профессиональной компетенции у "простых" граждан. Поэтому управление небезосновательно рассматривается чаще всего как прерогатива либо политических элит, опирающихся на традиции обладания легитимной властью, либо специалистов, а именно бюрократии или технократии.

Определенные надежды связываются с представительной демократией. Казалось бы, выборы - главная технологическая процедура демократического доступа к власти и вроде бы играет в данном случае решающую роль. Думается, проблематичность такой постановки вопроса в свете открывшихся возможностей современных "избирательных" технологий и способов воздействия на электорат не будет отрицать только очень большой оптимист. Но даже вне критики степени "объективности" выборов и волеизъявления граждан две основные технологии реализации представительной демократии (виртуальное и актуальное представительство) не выглядят как настоящая власть "народа". В случае так называемой виртуальной демократии (в том смысле, что "слуга народа" служит ему виртуально) "народный" представитель сам решает, какое решение наилучшим образом отвечает интересам его избирателей. Уместно вспомнить здесь высказывание Э. Бёрка: "Долг избранного депутата находится в тесной связи со своими избирателями, чьи интересы, безусловно, стоят для него на первом месте. Но непредвзятое мнение депутата, зрелость его суждений, его просвященное сознание не должно приноситься в жертву кому бы то ни было... даже мнению избирателей" [3]. Примерно эту же мысль выразил американский сенатор Р. Бёд: "Если бы я должен был принимать решения, основываясь на подсчете имен подписантов петиций или телеграмм, то вместо меня был бы необходим компьютер, чтобы наилучшим образом представлять интересы жителей Западной Вирджинии" [4]. Так это и есть суть реальной демократии?

В случае актуального представительства предполагается, что "народный избранник" должен принимать решения в соответствии с волей большинства. То есть депутат обязан постоянно задавать себе вопрос: "А как бы по этому вопросу высказалось большинство моих избирателей?" и неуклонно следовать их мнению. Тем не менее неудивительно, что многие важнейшие решения принимаются отнюдь не в стиле актуального представительства, хотя обычно депутаты и любят публично рассуждать о своей верности интересам своих избирателей и народа.

Наверное, поэтому в настоящее время так популярна трактовка демократии, во-первых, как расширения числа людей, имеющих право претендовать на осуществление власти на всех уровнях, а во-вторых, демократия интерпретируется как право "народа" на выбор властей. В конце концов, именно это признается единственно возможным и практически реализуемым из широкого набора демократических идеалов. Однако, таким образом, "народу" предоставляют не право решать, какая политика должна проводиться, а право выбирать тех, кто будет решать от имени и во имя интересов "народа", какая же политика должна проводиться и какие решения приниматься.

Преодоление противоречий и трудностей в "строительстве настоящей демократии" в современной России все чаще и чаще связывается с идеей развития гражданского общества. Типичными становятся рассуждения политиков и части обществоведов, что вот, мол, построим гражданское общество, и тогда будут и демократия, и свобода, и права человека, и все радости жизни, присущие "цивилизованным странам". Вместе с тем, понятие "гражданское общество" также многозначно. В апреле 2001 г исследования фонда "Общественное мнение" продемонстрировали, что только 44% респондентов слышали и знают, что такое гражданское общество, а 40% (!) услышали об этом впервые из уст интервьюеров [5]. При этом всего 22% смогли объяснить, что это такое. Из них 8% говорили о гражданских правах, 2% о возможности граждан влиять на государство, 1% употребляли в разных контекстах понятие "демократия", 1% упоминали гражданские свободы, 2% рассуждали о солидарности и единении граждан, 2% о гуманизме, нравственности и справедливости, 1% о культуре и цивилизованности. Кроме того, 5% ответивших считают, что гражданское общество просто объединяет людей-граждан своей страны.

В то же время современное понимание гражданского общества неотделимо от понятия "третий сектор", который предполагает самостоятельность негосударственных некоммерческих организаций (НКО), направленную на решение проблем населения помимо государства. НКО призваны стать формой самоорганизации общества в целях разделения с властью ответственности за судьбы своей страны в целом и территориальных сообществ, в частности. Кстати, наименьшую осведомленность о таких организациях продемонстрировали в Приволжском Федеральном округе, где 32% опрошенных услышали о таких организациях впервые, а 60% ничего не знают о работе НКО в своем регионе [там же, с. 128]. Примерно 40% респондентов убеждены, что для них польза от НКО не слишком велика, 20% считает, что ее нет совсем, а 18% - что она небольшая. Но самое интересное - это то, что значительное число опрошенных (25%) считает, что гражданское общество - это нечто, тесно связанное с государством. И дело вовсе не в просвещении народа. Массам как бы постоянно предлагается решение промежуточных квазизаданий на пути к "зияющим высотам" демократии.

Исторически гражданское общество - это форма конфронтации имущих граждан с неимущими. Ведь наличие собственности предстает критически значимым критерием принадлежности к народу. В современном российском обществе к богатым и средним может быть отнесено в лучшем случае 30-35%, а около 65%-70% в той или иной степени должны быть отнесены по западным меркам к бедным. Это новый вид гражданского общества - общество 1/3? Так неужели буквальное использование понятий "демократия" и "гражданское общество" ведет только к гонке за миражами?

На мой взгляд, идеологема "демократии" в современных российских условиях не должна всерьез восприниматься. Гораздо большей значимостью обладает поиск форм институционализации ответственности власти перед обществом. Здесь главными выступают проблемы критериев оценки действий власти и степени ее общественной полезности. Например, поддержание жизнеспособности и развития основных социальных институтов (семья, образование, здравоохранение и т.п.), с одной стороны, и задачи, связанные с понятием качества жизни самих членов общества (продолжительность жизни, уровень и качество жизни, возможности заработать на жизнь, развитие интеллектуального потенциала и т.п.). И, наверное, не случайно до сих пор не удается принять закон относительно механизмов ответственности высшего руководства законодательной и исполнительной ветвей власти. Даже намек на риск нести полноценную (а не только моральную) ответственность перед обществом встречается в штыхы. Аргументация приводится самая разная - от обвинений в популизме до опасений реанимации сталинской деспотии.

Возможны в принципе различные формы ответственности. Неоднократно предлагалась идея заключения своеобразного контракта между властью и обществом. Если с властью вроде бы все ясно, то кто должен представлять общество? Как избежать субъективности в оценке действий властей? Каковы должны быть критерии успеш-

ности/неуспешности действий властей? ООН уже давно использует в качестве интегрального показателя качества жизни не объем ВВП (хотя это тоже важно), а индекс человеческого развития (ИЧР), который рассчитывается исходя из продолжительности жизни, доступности образовательных и медицинских услуг. Россия в 2003 г. находилась по показателям ИЧР на 63 месте в мире. По крайней мере, власть вполне может взять на себя ответственность за то, чтобы в период ее пребывания у руля страны, региона, города ИЧР существенно не ухудшился. Право оценивать и судить в данном случае может специальная независимая ветвь судебной власти. Возможен и иной механизм реализации принципа ответственности власти перед обществом. Он заключается в публикации материалов, собранных Высшим Гражданским Судом, с последующим референдумом относительно оценки действий властей. Перспективной выглядит и идея о введении специальной присяги, которую должны приносить все поступающие на высшие должности в системе госслужбы и руководители городов. Главное - переломить ситуацию, в которой власть воспринимается как сравнительно легкий способ обогащения при минимуме индивидуальной ответственности.

Не хотел бы быть превратно истолкованным, все приведенные выше примеры форм ответственности власти перед гражданами страны не более чем повод для серьезного и обстоятельного разговора. В конце концов, нам нужна эффективная демократия в качестве средства для выхода из системного кризиса или же некая "идеальная демократия" как самоцель? Не наивны ли рассуждения о возможностях "кристально честных" выборов и "защите интересов избирателей", или не являются ли они лукавством? Не случайно у нас наблюдается резкое снижение интереса граждан к самой процедуре выборов местных властей и депутатов всех уровней. Политтехнологов озадачивают поиском способов, как обеспечить нужную явку избирателей. Системы, не имеющие эффективной обратной связи, обречены на стагнацию и характеризуются крайней неустойчивостью. Нужно ли это России?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 См. например: *Рукавишников В.О.* Качество российской демократии в сравнительном измерении // Социол. исслед. 2003, № 5; *Горшков М.К., Петухов В.В.* Перспективы демократии в России: угрозы реальные и мнимые // Социол. исслед. 2004. № 8.
2. *Партии после выборов* // Социол. исслед. 2004. №11.
3. Цит. по: *Schrems J.* Principles of Politics. New Jersey, Prentice-Hall, 1986. P. 14.
4. *New York Times.* February 10, 1978.
5. *Поговорим о гражданском обществе.* М.: Институт Фонда "Общественное мнение", 2001. С. 6.